

АНТИЧНЫЙ
МИР

БИТВА ЗА КАРФАГЕН

М.Б.
Елисеев

Античный мир

Михаил Елисеев

Битва за Карфаген

«ВЕЧЕ»

2019

Елисеев М. Б.

Битва за Карфаген / М. Б. Елисеев — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Античный мир)

ISBN 978-5-4484-8024-9

В истории Второй Пунической войны особое место занимает Африканская кампания римского полководца Публия Корнелия Сципиона. Именно по её итогам Карфаген потерпел окончательное поражение и из мировой сверхдержавы превратился в слабую региональную державу. Судьба войны решилась в грандиозной битве при Заме. В отличие от битвы при Каннах это сражение ничем не обогатило военную науку, но его последствия оказали влияние на судьбу всего Средиземноморья. И если после своего триумфа при Каннах Ганнибал лишь затянул войну, то после победы при Заме Сципион поставил Карфаген на колени. Главными действующими лицами финального акта Второй Пунической войны были военный и политический деятель Карфагена Гасдрубал, сын Гискона, нумидийские цари Сифакс и Масинисса, римский полководец Сципион Африканский. Ганнибал появился лишь под самый занавес этой грандиозной исторической драмы, когда изменить что-либо было практически невозможно.

ISBN 978-5-4484-8024-9

© Елисеев М. Б., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Предисловие	6
1. Война в Иберии. (212–208 гг. до н. э.)	8
2. Испанская армия Гасдрубала	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Михаил Елисеев

Битва за Карфаген

Постоянно размышляй о том, что все происходящее ничем не отличается от происходившего ранее и того, что произойдет в будущем. Пусть предстанут перед твоим взором целые периоды жизни и сходные друг с другом положения, которые известны тебе или из собственного опыта, или из истории более раннего времени... Ибо повсюду здесь одно и то же, только другие действующие лица.

Марк Аврелий (Размышления, X,27)

Предисловие

Заключительным аккордом Второй Пунической войны стала Африканская кампания 204–202 гг. до н. э., завершившаяся грандиозной битвой при Заме, где встретились на поле боя лучший полководец Римской республики и военный гений Античности. Прологом к этим событиям послужила победа римлян над карфагенянами при Илипе в 206 г. до н. э., после которой пунийцы были окончательно выбиты с Иберийского полуострова.

Главными письменными источниками по изучению Африканской кампании являются «Всеобщая история» Полибия, «История Рима» Тита Ливия и «Римская история» Аппиана Александрийского. И если информация Полибия и Ливия во многом совпадает, поскольку римский историк при написании своего труда использовал «Всеобщую историю» греческого коллеги, то Аппиан показывает иную картину Второй Пунической войны. Другое дело, насколько она достоверна. Несмотря на это, многие факты, приводимые александрийским историком, существенно дополняют рассказы Полибия и Тита Ливия, поскольку как «Всеобщая история», так и «История Рима» не являются истиной в последней инстанции. Полибий явно симпатизировал Сципиону Африканскому и поэтому иногда грешил против истины, стараясь выставить своего героя в наиболее выгодном свете. Что касается Ливия, то его здоровый римский патриотизм частенько вынуждал историка сознательно искажать картину событий и заниматься откровенной подтасовкой фактов. Несмотря на эти недостатки, Полибий и Тит Ливий очень подробно описывают подготовку, ход и итоги Африканской кампании 204–202 гг. до н. э.

Главными действующими лицами финального акта трагедии под названием Вторая Пуническая война были военный и политический деятель Карфагена Гасдрубал, сын Гискона, нумидийские цари Сифакс и Масинисса, римский полководец Сципион Африканский. Ганнибал появился лишь под самый занавес спектакля. Причем появился тогда, когда изменить что-либо было практически невозможно.

Заключительный этап второй войны между Римом и Карфагеном неразрывно связан с именем Гасдрубала, сына Гискона. Этот человек командовал пунийской армией в Испании после того, как Гасдрубал Баркид увел свои войска в Италию. Но руководство Гасдрубала было настолько неудачным, что римляне в течение года сумели выбить карфагенян с Иберийского полуострова. Именно этот факт имел наибольшее значение для перенесения боевых действий в Африку, недаром Полибий писал, что уже на завершающем этапе Иберийской кампании Сципион планировал нанести удар непосредственно по Карфагену (XI.24a). Римский полководец понимал то, чего не желал или не мог понять Ганнибал: ключом к победе в этой войне является не Италия, а Испания. Возможно, это прозвучит парадоксально, но ситуацию грамотно оценивало и правительство в Карфагене, отправлявшее все резервы на Иберийский полуостров, а не в Италию, где после падения Капуи и Тарента боевые действия потеряли всякий смысл. Под командованием Гасдрубала, сына Гискона, карфагеняне сражались в Африке против римских легионов, именно он возглавлял армии Картхадашта¹ в самый критический момент противостояния. Другое дело, что и здесь Гасдрубал полностью провалил все военные операции и поставил Карфаген на грань гибели, чем окончательно скомпрометировал себя как военачальник. Таким образом, жизнь и смерть Гасдрубала, сына Гискона, совпали с расцветом и закатом могущества Карфагена.

Решающим фактором для победы в Африке стала борьба за союзников. Как римляне, так и карфагеняне старались привлечь на свою сторону могущественного царя Нумидии Сифакса, чья великолепная конница могла склонить чашу весов в пользу любого из противников. После

¹ Картхадашт – так финикийцы называли Карфаген.

того как Сифакс принял сторону Карфагена, Сципион стал поддерживать молодого нумидийского царевича Масиниссу. Поэтому одновременно с войной между римлянами и карфагенянами развернулась борьба за власть в Нумидии между Сифаксом и Масиниссой. Исход Второй Пунической войны зависел от того, кто будет царем Нумидии.

Во время Африканской кампании Публий Корнелий Сципион проявил себя как талантливый стратег и великолепный тактик. Действия римского военачальника отличались разнообразием и выдумкой, ради достижения победы он не гнушался никакими средствами, включая хитрость и коварство. Как полководца Сципиона характеризовали величайшая работоспособность и творческий подход к делу. Если к этому добавить просто фантастическое везение, становится понятным, почему именно этот человек оказался победителем непобедимого Ганнибала. В результате грамотных действий Публия Корнелия Африканская кампания 204–202 гг. до н. э. завершилась убедительной победой римлян. Карфаген потерпел военный и политический крах, второе противостояние с Римом закончилось для него грандиозной геополитической катастрофой.

1. Война в Иберии. (212–208 гг. до н. э.)

Гасдрубал, сын Гискона, впервые упоминается в письменных источниках под 212 г. до н. э., в самый разгар Второй Пунической войны. Несмотря на то что именно этот человек сыграл одну из ведущих ролей в противостоянии Рима и Карфагена, информации о нем и его семье сохранилось очень мало. *«Гасдрубал, сын Гискона, не уступающий никому из карфагенян»* – так отзывался о карфагенском военачальнике Аппиан (Lib.10). По мнению Тита Ливия, *«Гасдрубал, сын Гискона, полководец самый великий, самый прославленный (не считая потомков Барки)»* (XXVIII.12). В дальнейшем римский историк уточнит, что *«Гасдрубал, сын Гискона, был первым человеком в государстве по родовитости, по своей славе, по богатству»* (XXIX.28). Но благодаря каким подвигам Гасдрубал прославился на поле боя, каких врагов победил до начала войны с Римом, нам неизвестно. Как покажет время, сын Гискона был слабым военачальником. У карфагенского военачальника была красавица дочь Софониба, которой суждено было сыграть одну из главных ролей в грядущей трагедии.

...Уже шестой год длилась вторая война между Римом и Картахдаштом. Карфагенский полководец Ганнибал, сын Гамилькара, перевел армию через Пиренейские горы, избежал столкновения с римскими легионами на реке Роне, перевалил через Альпы и прорвался в Северную Италию. В 218 г. до н. э. римляне потерпели поражения в сражениях при Тицине и Требии, в 217 г. до н. э. были побеждены при Тразименском озере, в 216 г. до н. э. разгромлены при Каннах. Однако Ганнибал не воспользовался плодами побед и отказался от похода на Рим, упустив единственный шанс быстро закончить войну. Карфагенский блицкриг провалился, противостояние приобрело затяжной характер, и на первый план выходила борьба за людские и материальные ресурсы. Ганнибал пытался в Италии перетянуть на свою сторону римских союзников, чтобы лишить противника возможности пополнять казну и набирать новые войска. Сенат ответил симметрично и перебросил в Испанию, где находились главные военные базы карфагенян, легионы под командованием Публия и Гнея Сципионов. Причины для этого были веские: *«Сенат был сильно озабочен тем, как бы карфагеняне не завладели этой страной и, располагая тогда в изобилии продовольствием и людьми, не утвердились бы решительнее на море, не приняли бы участия в нападении на Италию отправкаю Ганнибалу войск и денег»* (Polyb. III. 97). Страх римлян перед новым вторжением карфагенян в Италию был очень велик, они не сомневались, что в этом случае республика окажется на краю гибели. Еще накануне войны с Карфагеном командующим испанскими легионами был назначен консул Публий Корнелий Сципион, в его распоряжении были 10 000 пехотинцев, 700 всадников и 60 боевых кораблей (App. VI. 14). Противостоял римлянам младший брат Ганнибала, Гасдрубал, командующий карфагенскими войсками в Испании. Под его командованием были значительные силы, насчитывающие 11 850 ливийских копейщиков, 300 лигурийцев, 500 балеарских пращников и 21 боевого слона. В состав конницы входили 1800 нумидийских и мавританских всадников, 450 конных ливофиникийцев и 300 испанских наездников из племени илергетов. Для защиты побережья у Гасдрубала было 50 квинквирем, 2 квадриремы и 5 трирем. При этом полностью укомплектованы экипажами были только триремы и 32 квинквиремы (Liv. XXI. 26).

До поры до времени боевые действия шли с переменным успехом, однако римским полководцам удалось переманить на свою сторону многие иберийские племена, что позволило за счет местного населения значительно увеличить численность армии. Начиная с весны 216 г. до н. э. Сципионы развернули в Испании масштабное наступление, вытесняя карфагенян с их позиций. Им удалось сорвать попытку Гасдрубала Баркида прорваться в Италию и уничтожить вражескую армию. После этого стратегическая ситуация на Иберийском полуострове резко изменилась в пользу римлян: *«Если среди испанцев и были какие-то колебания, то победа*

соединила Испанию с Римом. Гасдрубалу нечего было и думать о походе в Италию; небезопасно было и оставаться в Испании. Когда это из писем Сципионов стало известно в Риме, то все обрадовались не столько победе, сколько тому, что Гасдрубал не сможет прийти в Италию» (Liv. XXIII. 29). Мало того, карфагенские владения в Испании оказались под угрозой.

В Картхадаште оценили размер опасности и прислали Гасдрубалу Баркиду значительные подкрепления: «Из Карфагена ему отправили в качестве пополнения 12 тысяч пехоты, 4 тысячи конницы и 20 слонов» (Eutrop. III. 11). Но даже этих мер правительству показалось недостаточно, поэтому на Иберийский полуостров была направлена еще одна карфагенская армия: «Магон, брат Ганнибала, собирался переправить в Италию двенадцать тысяч пехотинцев, полторы тысячи всадников, двадцать слонов и тысячу талантов²» (Liv. XXIII. 32). В сложившейся ситуации карфагенские власти действовали совершенно правильно, предпочтя Испанию Италии. Наступать на Рим Ганнибал не мог, свой шанс он упустил. Однако сил для давления на римлян в Италии и сдерживания вражеских армий от вторжения в Африку карфагенскому полководцу вполне хватало. В Иберии ситуация была другой, именно здесь решалась судьба войны. Отвоевав у пунийцев Испанию, римляне не только лишали их значительной части ресурсов для продолжения войны, но и получали возможность перенести боевые действия в Африку.

В 215 г. до н. э. против римлян в Испании воевали три карфагенские армии. Две из них были под командованием братьев Баркидов, Гасдрубала и Магона, третьей командовал Ганнибал, сына Бомилькара. К 214 г. до н. э. борьба приняла позиционный характер, пунийцы пытались вытеснить римлян из Дальней Испании. Братья Гасдрубал и Магон наголову разгромили союзных Риму испанцев, однако своевременное прибытие на театр военных действий Публия Сципиона спасло ситуацию. Карфагенские полководцы не рискнули вступить с противником в открытое сражение, перешли к тактике малой войны и нанесли римлянам большие потери. Когда Сципион лишился около 2000 воинов, то приказал немедленно отступать к горе Победы и укрепиться на новых позициях. Где находилась эта гора, сказать невозможно, не исключено, что где-то в районе Кастуллона. Этот город перешел на сторону римлян, что можно связать с присутствием армии Публия Сципиона в его окрестностях.

В это время на помощь Баркидам пришел с армией Гасдрубал, сын Гискона (Liv. XXIV. 41). Свою армию он расположил напротив римского лагеря, противников разделяла река. Гасдрубал избрал пассивную тактику, дожидаясь ошибки противника. Его план увенчался успехом, поскольку Сципион утратил бдительность, пренебрег мерами предосторожности, покинул лагерь и отправился на рекогносцировку местности. Сопровождали командующего только легковооруженные воины. Гасдрубал внимательно наблюдал за действиями своего оппонента, выждал удобный момент и на открытой равнине атаковал отряд Сципиона. Римляне в панике бросились на близлежащий холм, где и были окружены карфагенянами. Кажется, что именно здесь закончатся жизнь и карьера Публия Сципиона, однако боги в этот день оказались милостивы к римлянину. Брат Гней привел легионы на помощь и отбросил пунийцев.

Дальнейшее повествование Тита Ливия является сплошным панегириком храбрости и доблести квиритов. Карфагеняне взяли в плотную осаду город Илитургис и решили уморить голодом римский гарнизон, но Гнею Сципиону удалось прорвать кольцо блокады. В завяз-

² Талант использовался как счетно-денежная единица и единица массы. В денежной категории вес таланта периодически варьировался, но никогда не превышал 30 кг. В эпоху Александра Македонского вес аттического таланта составлял 25, 902 кг серебра. Талант был равен 60 минам, мина насчитывала 100 драхм. Один талант золота был равен 10 талантам серебра. Когда римляне решили наложить контрибуцию на Этолийскую федерацию, то производили расчеты, «одну мину золота полагая за десять мин серебра» (Polyb. XXI. 32). серебра под охраной шестидесяти военных судов, когда в Карфаген пришло известие: в Испании плохо – почти все народы этой провинции отпали к Риму. Были люди, желавшие, чтобы Магон бросил думать об Италии и повернул в Испанию, когда блеснула внезапная надежда вернуть Сардинию.

завшемся сражении римляне нанесли противнику поражение, перебив 12 000 карфагенян и 1000 человек взяв в плен. Также было захвачено 36 штандартов (Liv. XXIV. 41). Пунийцы отступили от Илитургиса и попытались захватить союзную Риму Бигерру, но, узнав о приближении армии Гнея Сципиона, были вынуждены отвести войска к городу Мунде.

Здесь вновь разгорелись ожесточенные бои, в которых преимущество было на стороне римлян. По информации Тита Ливия, легионеры опять убили 12 000 врагов, захватили 3000 карфагенян, 57 знамен и истребили 39 слонов. Следующее сражение – и римляне уничтожают уже 6000 карфагенян. Магон Баркид приводит подкрепления, происходит новая битва, и вновь потери пунийцев за гранью разумного – 8000 воинов убиты, 1000 человек пленены, 58 штандартов досталось противнику. Погибли вожди галлов Мениапт и Висмар, восемь слонов захвачены, три убиты (Liv. XXIV. 41). Если сведения Тита Ливия безоговорочно принимать на веру, то у карфагенских военачальников не осталось ни солдат, ни знамен, чего не могло быть по определению.

Когда нумидийский царь Сифакс начал военные действия против пунийцев, карфагенское правительство решило перебросить из Испании в Северную Африку армию Гасдрубала Баркида, чего не могло быть по определению, если бы все обстояло так, как описывает Ливий. В этом случае Сципионам не составляло труда уничтожить остатки армий Магона и Гасдрубала, сына Гискона. И окончательно выбить карфагенян с Иберийского полуострова. Однако ничего подобного не произошло. Мало того, Тит Ливий пишет, что *«в течение двух лет ничего достопамятного сделано не было, а война велась не столько оружием, сколько сговорами и переговорами»* (XXV. 32). Что вряд ли было возможно, если бы дела пунийцев обстояли так плачевно, как это описал римский историк. Все было гораздо прозаичнее – римляне закреплялись на завоеванных территориях, Магон Баркид и Гасдрубал, сын Гискона, не могли им в этом помешать.

Но время работало против Сципионов. Карфагеняне приняли энергичные меры по восстановлению своих позиций в Испании, и уже в 212 г. до н. э. положение дел на Иберийском полуострове радикально изменилось не в пользу римлян. Смирив нумидийцев, карфагенское правительство все резервы отправило на испанский театр военных действий: *«Заключив с Сифаксом мир, карфагеняне вновь посылают в Иберию Гасдрубала с более многочисленным войском и 30 слонами, а вместе с ним двух других полководцев, Магона и другого Гасдрубала, сына Гискона. С этого времени Сципионам война стала труднее, но и в этих условиях они побеждали»* (App. Iber. 16). Римские историки часто выдавали желаемое за действительное, не стал исключением и данный пассаж Аппиана. Братьям Сципионам больше не удастся одержать ни одной победы, их легионы вскоре будут уничтожены, а сами они бесславно погибнут.

За несколько лет боевых действий в Иберии решительного преимущества не добилась ни одна из сторон. Гнею и Публию Сципионам пока удавалось противодействовать попыткам Гасдрубала Баркида прорваться из Испании в Италию на помощь Ганнибалу. Но они не могли очистить полуостров от пунийцев, их сил для этого было недостаточно. Карфагенские военачальники придерживались активной тактики, атакуя врага при первой возможности. Решающим фактором, который мог принести победу одной из сторон, стала поддержка местного населения: именно испанские воины пополняли как карфагенские армии, так и римские вспомогательные войска. Некоторые иберийские племена заняли выжидательную позицию, другие в зависимости от ситуации поддерживали то римлян, то карфагенян. Сципионы решили покончить с этой неопределенностью и нанести пунийцам окончательное поражение: *«Если до сих пор только и делали, что сдерживали Гасдрубала, стремившегося в Италию, то теперь пришло время делать все, чтобы война в Испании была доведена до конца»* (Liv. XXV. 32).

Летом 212 г. до н. э. объединенные римские армии начали решительное наступление на владения карфагенян в Испании. Легионам Сципионов противостояли три пунийские армии – братьев Баркидов и Гасдрубала, сына Гискона. Гасдрубал Баркид расположился лагерем около

города Амторигса, где и поджидал противника. Сципионы решили этим воспользоваться и уничтожить вражескую армию до того, как все силы карфагенян соберутся в один кулак. Легионы устремились к Амторигсу. Узнав об этом Магон и Гасдрубал, сын Гискона, решили не искушать судьбу, объединили войска и поспешили на помощь соотечественнику и родственнику. В это время римская армия подошла к реке Бетис, на противоположном берегу которой находился лагерь Гасдрубала Баркида.

В сложившейся ситуации преимущество оказалось на стороне Сципионов. Появилась возможность бить противника по частям и атаковать армию Гасдрубала Баркида до прихода войск Магона и Гасдрубала, сына Гискона. Две римские армии против одной пунийской, а дальше как решат боги. Однако Гней и Публий поступили не только вопреки всем законам стратегии, но и вопреки здравому смыслу.

Вместо того чтобы разработать план по уничтожению войск Гасдрубала, они стали думать о том, что будет после разгрома его армии. И пришли к выводу, что в этом случае Магон и Гасдрубал, сын Гискона, отступят в горы, где найдут неприступную позицию и создадут базу для дальнейшего ведения войны. Оттуда будут совершать походы как на земли римских союзников, так и на принадлежащие квиритам территории. Римские военачальники явно занимались не делом, предпочтя синице в руках журавля в небе. Неверная оценка обстановки повлекла за собой другую ошибку, имевшую роковые последствия. Полководцы сделали то, чего нельзя было делать ни в коем случае: разделили войска, чтобы действовать на разных оперативных направлениях. Большую часть римской армии Публий Сципион повел против Магона и Гасдрубала, сына Гискона, Гней Сципион с кельтиберами и оставшимися легионарами должен был дать бой Гасдрубалу Баркиду.

Если исходить из действий римских полководцев, напрашивается вывод о том, что они были уверены в победе и рассчитывали без труда победить пунийцев. Иначе не наделали бы столько непростительных ошибок. Первым это осознал Публий Сципион. На марше его войска попали под удар нумидийской конницы, африканские наездники с утра до вечера кружились вокруг римской колонны и атаковали при первом удобном случае. Забросав легионеров дротиками, нумидийцы быстро отступали, затем возвращались назад и вновь нападали на марширующие колонны легионеров. Все попытки римской кавалерии отогнать неприятеля успехом не увенчались, войска Сципиона стали нести тяжелые потери, продвижение замедлилось. Публий решил не искушать судьбу, остановил движение легионов и приказал сооружать лагерь. Он надеялся за укреплениями переждать атаки нумидийцев, привести потрепанные части в порядок и составить план дальнейших действий с учетом изменившейся обстановки.

Нумидийской кавалерией командовал царевич Масинисса: выросший и воспитанный в Карфагене, *«он был прекрасен по внешности и благороден характером»* (App. Lib. 10). В дальнейшем Аппиан вновь подчеркнет этот принципиальный момент в жизни царевича (Lib. 37). Молодой человек воевал против римлян не за страх, а за совесть. Он не оставил Сципиону никаких шансов на благополучный исход предприятия. Африканские всадники нападали на римские сторожевые посты даже по ночам, не давая покоя измотанным до предела легионарам. Масинисса постепенно наращивал натиск, и однажды нумидийцы смяли римское сторожевое охранение и прорвались к лагерным воротам. Однако не это было самым страшным. Отдав противнику инициативу, Публий Сципион сам себя загнал в ловушку, поскольку стал испытывать проблемы со снабжением армии. Нумидийские всадники планомерно уничтожали римских фуражиров, лишив противника возможности добывать продовольствие в окрестностях лагеря. Положение создалось критическое, единственным разумным решением для Публия было отступление. Пока не подошли армии Магона и Гасдрубала, сына Гискона, римскому полководцу надо было покинуть ловушку, в которую превратился лагерь, и идти на соединение с войсками брата. Но боги помutilи разум Сципиона. Когда ему доложили, что союзник карфагенян, вождь свессетанов Индибилис выступил против римлян и приближается к лагерю,

Публий не придумал ничего умнее, как выступить ему навстречу. Складывается впечатление, что римский военачальник играл с противником в поддавки, преследуя одного ему ведомую цель.

Индибилис вел 7500 воинов (Liv. XXV. 34), и Сципион решил, что его сил вполне хватит, чтобы уничтожить противника. Удивительно, но римский командующий совершенно упустил из вида нумидийскую конницу, которая могла серьезно повлиять на исход сражения. Такая непредусмотрительность и безответственность еще больше усугубили ситуацию. Для охраны лагеря Сципион оставил легата Тита Фонтея с отрядом, сам же повел легионы против Индибилиса.

Несмотря на грубейшие тактические и стратегические ошибки, Тит Ливий уверен, что *«Сципион был осторожным и предусмотрительным вождем»* (XXV. 34). Однако действия римского командующего полностью опровергают это утверждение. К моменту столкновения с испанцами Публий не успел развернуть войска в боевой порядок и был вынужден вступить в бой в крайне невыгодных условиях. Несмотря на то что легионы численно и качественно превосходили отряды Индибилиса, в рукопашной схватке свессетаны потеснили римлян. Стояла страшная жара, легионеры страдали от усталости и жажды, но продолжали вести бой и держать строй. Исход сражения был неясен, когда на поле боя появилась нумидийская кавалерия. Масинисса с самого начала наблюдал за римскими передвижениями, но до поры до времени ничем не проявлял своего присутствия. И лишь когда легионы вступили в затяжной бой с испанцами, принял решение об атаке. Оно оказалось тем более своевременным, что к месту боя уже подходили армии Магона и Гасдрубала, сына Гискона. Когда в бой вступил карфагенский авангард, шансы Публия Сципиона на победу развеялись как дым.

Римляне отчаянно отбивались: даже когда сраженный вражеским копьем, пал Сципион, легионеры продолжали бой. Но к месту сражения подходили новые отряды карфагенян, римлян стеснили со всех сторон и вскоре обратили в бегство. Разбежавшихся легионеров вылавливали по окрестностям: спаслись лишь те, кто укрылся в лагере Тита Фонтея или нашел убежище за стенами Илитургиса. От армии Публия Сципиона осталось одно воспоминание.

В это время войска Гнея Сципиона по-прежнему удерживали старые позиции на берегу реки Бетис. Скорее всего, римский военачальник понимал, что сил для разгрома армии Гасдрубала Баркида у него недостаточно, и поэтому не переходил к активным действиям, ожидая возвращения брата. Большая часть войска Сципиона состояла из кельтиберов, что побуждало полководца к еще большей осторожности. Если в легионерах Гней был уверен, то относительно испанцев испытывал определенные сомнения.

Гасдрубал Баркид, долгое время провоевавший в Иберии, очень хорошо знал менталитет кельтиберов. Был высокого мнения об их храбрости и воинском умении. В то же время Гасдрубал был осведомлен о том, что вожди кельтиберов любят золото и дорогие подарки. На этом карфагенский военачальник и сыграл. Во вражеский лагерь отправились его доверенные люди из числа испанцев и сумели убедить кельтиберов оставить Гнея Сципиона. Римский полководец не смог этому помешать, поскольку числом легионеры уступали испанцам. В отличие от своего брата, Гней быстро сориентировался в обстановке, покинул лагерь и повел войска на север, к реке Ибер. Опасаясь вражеской конницы, Сципион вел войска по холмистой местности, что сильно замедляло движение.

Увидев, что враг отступает, Гасдрубал устремился в погоню. В пути к нему присоединились армии Магона и Гасдрубала, сына Гискона. Карфагеняне настигли римлян и стали готовиться к сражению. Сципион заметил, что лагерь пунийцев значительно увеличился, и пришел к выводу, что вражеские армии сумели соединиться. Из этого следовало, что его брат потерпел поражение. Осознав всю глубину катастрофы, Гней ночью вывел войска из лагеря и продолжил движение на север. Но было уже поздно. Карфагенские полководцы отправили Масиниссу в погоню за римлянами, а сами выступили следом с главными силами.

Ситуация повторилась как под копирку, с той разницей, что если армия Публия наступала, то войска Гнея уходили от противника. Нумидийская конница беспрерывно атаковала римлян, нанося им тяжелые удары, только наступившая ночь спасла измученных длительным маршем легионеров. Опасаясь вражеских всадников, Сципион приказал разбить лагерь на вершине холма. Место плохо подходило для обороны, поскольку твердая почва мешала выкопать рвы и насыпать валы. Тогда римский военачальник распорядился из мешков и тюков с поклажей соорудить импровизированные укрепления, за которыми легионеры и укрылись. На рассвете нумидийцы возобновили атаки и тревожили противника до тех пор, пока не подошли три карфагенские армии. Пунийские пехотинцы разрушили римские баррикады, прорвались на вершину холма и разгромили войско Сципиона. Легионеры разбежались, их командующий укрылся в каменной дозорной башне. Тогда карфагеняне обложили строение дровами и подожгли. Гней Сципион Кальв погиб через двадцать восемь дней после гибели брата. Уцелевшие легионеры лесами пробирались к Иберу, некоторым удалось добраться до лагеря Тиберия Фонтея. Согласно информации Аппиана, Публий погиб в окрестностях Кастуллона (Iber. 16), по сведениям Плиния Старшего, Гней был убит недалеко от Илорикса (Nat. hist. III, 9).

Кампания 212 г. до н. э. закончилась сокрушительным поражением римлян. И напрасно Луций Анней Флор сетует по поводу гибели братьев Сципионов: *«Испания была бы взята с ходу, если бы эти храбрейшие воины, победители на суше и на море, не пали от пунийского коварства в самый момент победы»* (I, XXXIII. 6). Публий и Гней погибли не в результате *«пунийского коварства»*, а потому, что переоценили свои силы и не сумели грамотно спланировать наступательную операцию. Остальное уже детали.

* * *

Гасдрубал, сын Гискона, решил зачистить от римлян территории к северу от реки Ибер. Именно туда бежали остатки разгромленных вражеских армий. Карфагенский военачальник полагал, что это будет несложно сделать, поскольку легионеры остались без полководцев и совершенно деморализованы. Помощи римлянам ждать было неоткуда, поскольку их испанские союзники, узнав о гибели Сципионов, один за другим стали переходить на сторону пунийцев. Однако Гасдрубал не хотел делиться славой освободителя Испании с братьями Баркидами и решил действовать самостоятельно. Ничего не сказав своим товарищам по оружию, военачальник покинул лагерь и повел свою армию на север.

Шансы Гасдрубала, сына Гискона, на окончательную победу над римлянами были очень высоки, однако все пошло не так, как планировал карфагенский полководец. Среди римлян нашелся человек, не побоявшийся взять на себя ответственность за судьбы соотечественников, оказавшихся на северном берегу Ибера, и судьбу римских владений в Испании. Это был Луций Марций, сын Септимия, из сословия всадников. Несмотря на молодость, Марций был бывалым солдатом и, как оказалось, неплохим военачальником. Он сумел сплотить оставшиеся без руководства войска, подтянуть дисциплину и вдохнуть в деморализованных легионеров веру в победу. Несмотря на то что согласно регламенту командование должен был принять легат Тиберий Фонтей, сумевший вывести за Ибер жалкие остатки армии Сципионов, во главе испанских легионов оказался Луций Марций. Именно с ним римляне связывали надежды на благополучный исход грядущих боев. На состоявшемся воинском собрании, которое шло вразрез с римскими традициями, молодой человек был провозглашен командующим армией (Liv. XXV. 37). По приказу Марция был построен укрепленный лагерь, заготовлены большие запасы продовольствия и воинского снаряжения. Когда стало известно, что карфагенская армия перешла Ибер, римляне были полностью готовы к битве.

Гасдрубал, сын Гискона, об этом ничего не знал. Карфагеняне разбили лагерь и отдохнули после длительного перехода, а на следующий день двинулись на римские позиции.

Наступление велось не организовано, поскольку Гасдрубал пребывал в твердой уверенности, что противник совершенно деморализован и не окажет серьезного сопротивления. Карфагенский военачальник с пренебрежением отнесся к своим обязанностям и не только не отправил во вражеский лагерь шпионов, но даже не произвел разведку местности. Пунийцы надвигались на римский лагерь беспорядочной толпой, где пехота перемешалась с конницей, легковооруженные воины – с тяжеловооруженными бойцами. Возглавлял это скопление людей Гасдрубал, сын Гискона: карфагенский военачальник на коне возвышался среди солдат, следом за ним ехали всадники-телохранители.

В римском лагере началась паника, но Луций Марций быстро навел порядок. Часть войск командующий расположил у лагерных ворот, остальные развернул по периметру укреплений, в ожидании вражеской атаки. Чем ближе подходили карфагеняне, тем яснее становилось для Луция Марция, что противник совершенно не готов к бою. Пунийцы распевали победные песни и потрясали оружием, но так и не построились в боевой порядок. Римский военачальник понял, что у него появился отличный шанс на победу, и отдал приказ готовиться к вылазке.

Атака римлян стала полной неожиданностью для карфагенян. Колонна легионеров ударила в центр пунийского войска, развалила его на две части и начала оттеснять от лагеря. Организованного сопротивления не было, многие карфагеняне даже не успели вытащить из ножен мечи. Гасдрубал приказал трубить отступление, и пунийцы, с трудом отбиваясь от наседавшего врага, начали поспешно уходить к Иберу. Римляне их преследовали, однако Марций распорядился остановить легионеров, поскольку опасался, что Гасдрубал перестроит войска и перейдет в контратаку. Противники ушли каждый в свой лагерь. Для карфагенян этот день обернулся большими потерями. Что касается римлян, то для них это был серьезный тактический успех и моральный успех, поскольку Луций Марций вернул римлянам веру в себя и в будущую победу.

Римский военачальник не собирался останавливаться на достигнутом результате. Его разведчики внимательно отслеживали передвижения вражеских войск и обо всем докладывали командующему. Когда Марций узнал, что вражеский военачальник разделил свою армию на две части и расположил ее в двух лагерях, он вновь решил атаковать противника.

Гасдрубал, сын Гискона, так и не понял, что римляне оправались от разгрома, что легионы вновь обрели боеспособность. Карфагенский полководец выдавал желаемое за действительное, за что и поплатился самым жестоким образом. Не разобравшись в обстановке, Гасдрубал раскидал войска по разным лагерям, тем самым сделав свои позиции очень уязвимыми. Между лагерями на шесть миль протянулся густой лес (Liv. XXV. 37), и поэтому карфагенский полководец, находясь в одном месте, не мог видеть, что происходит в другом. Гасдрубал пребывал в твердой уверенности, что противник небоеспособен и не предпримет активных действий. Одна ошибка повлекла за собой другую, поскольку командующий даже не удосужился проверить, как обстоят дела с дисциплиной. Солдаты оказались предоставлены сами себе, многие воины разошлись по окрестностям собирать провиант и фураж, дозоры и караулы отсутствовали.

Луций Марций мастерски воспользовался промахами противника. Римляне хорошо отдохнули и перед рассветом выдвинулись на позиции. В лесу между двумя лагерями находилась ложбина, где римский военачальник расположил отряд всадников и легионеров. После этого Марций повел войска на лагерь Гасдрубала.

Карфагеняне не ожидали нападения. Римляне без боя проникли за линию лагерных укреплений, поскольку сторожевые посты отсутствовали, а караульная служба не неслась. По сигналу трубы легионеры бросились на врага и произвели жестокое избиение пунийцев. Воинов Гасдрубала охватила паника, они даже не попытались вступить в бой, бросали оружие и устремились прочь из расположения. Карфагеняне надеялись через лес добраться до второго лагеря. Однако находившиеся в засаде римляне перехватывали беглецов и убивали на месте.

Гасдрубал скрылся в неизвестном направлении, его войско разбежалось, а лагерь был захвачен врагом.

Окрыленный успехом, римский командующий принял решение атаковать второй карфагенский лагерь. Под прикрытием темноты легионеры беспрепятственно подошли к вражеским укреплениям и с ходу атаковали пунийцев. Несмотря на то что здесь римлян также не ждали, в воротах завязалась ожесточенная схватка. Яростные бои закипели и на лагерных валах, однако сопротивление карфагенян было недолгим, легионеры сумели прорваться за частокол. После этого пунийцы поспешили покинуть лагерь. Собрав жалкие остатки своей некогда грозной армии, Гасдрубал ушел за Ибер.

* * *

В том, что карфагеняне не сумели окончательно выбить римлян из Испании, больше всех был виноват Гасдрубал, сын Гискона. Карфагенянин проявил преступное легкомыслие и безответственно отнесся к своим обязанностям военачальника. Почивая на лаврах после разгрома братьев Сципионов, Гасдрубал пренебрег элементарной осторожностью, нарушив все мыслимые и немыслимые требования по подготовке военной кампании. Не велась дальняя и ближняя разведка, дисциплина в войсках упала, чем занимался командующий армией, непонятно. Поэтому итоги сражения с римлянами были вполне закономерными. Но это – одна сторона медали.

Гасдрубал и Магон Баркиды также несут ответственность за то, что римляне удержались на северном берегу Ибера. Вместо того чтобы скоординировать свои действия против Марция, карфагенские полководцы занялись выяснением отношений друг с другом. Ни к чему хорошему это не привело: *«трое карфагенских вождей рассорились почти до разрыва, раздробили свое войско и повели его в три разные стороны»* (Liv. XXVI. 41). О причинах разрыва написал Полибий: *«...Карфагенские военачальники одолели своих врагов, но не могли совладать сами с собою и, вообразив, что война с римлянами кончена, начали распрю друг с другом»* (IX.11). Слишком рано два Гасдрубала и Магон уверились в окончательной победе над врагом.

Тот же Гасдрубал, сын Гискона, после гибели Сципионов не придумал ничего умнее, как потребовать у вождя свессетанов Индибилиса (Андобал у Полибия), крупную сумму денег. Именно воины Индибилиса сыграли решающую роль в разгроме Публия Сципиона, но для Гасдрубала это не имело никакого значения. Военачальника одолела жадность, и когда Индибилис отказался выплатить деньги, Гасдрубал взял в заложницы его дочерей (Polyb. IX. 11). Именно неумение найти общий язык с испанцами после разгрома Сципионов стало главной бедой карфагенян. Полибий четко обозначил суть проблемы: *«Гораздо больше найдется победоносных полководцев, чем таких вождей, которые умели бы пользоваться победой. Так случилось теперь и с карфагенянами. После победы над римскими войсками и по умерщвлении обоих римских полководцев, Публия и Гнея, они вообразили, что господство их над Иберией обеспечено нерушимо, и стали высокомерно обращаться с туземцами, благодаря чему приобрели в покоренных народах не друзей и союзников, но врагов. Иначе и быть не могло. Карфагеняне думали, что одни средства нужно употреблять для приобретения власти, другие – для сохранения ее за собою, и не понимали того, что завоеватели надежнее всего удерживают за собою власть в том случае, если остаются неизменно верными тем самым правилам поведения, коими они раньше приобрели власть. Между тем многочисленные случаи подтверждают очевидную для каждого истину, что люди достигают господства добрым обращением с другими и умением вселить в них надежду на лучшую долю, что, когда по достижении цели завоеватели изменяют поведение, начинают обижать и угнетать покоренный народ, чувства этого последнего тоже меняются. Так было и с карфагенянами»* (X. 36). Пунийцы не сумели воспользоваться плодами своей победы, зато римляне сумели удержать свои позиции на Ибе-

рийском полуострове: *«В Испании наступило длительное затишье: обе стороны после стольких побед и поражений медлили, не отваживаясь на решительные действия»* (Liv. XXV. 39).

В отличие от карфагенян, римляне действовали быстро и решительно. Сенаторы в полной мере оценили размер опасности и приняли срочные меры для выправления ситуации на испанском фронте. В 211 г. до н. э. в Испанию прибыли с подкреплениями Марк Клавдий Марцелл и Гай Клавдий Нерон, под их командованием были 60 боевых кораблей, 1000 всадников и 10 000 пехотинцев (App. VI. 17). Тит Ливий называет другие данные – 12 000 пехоты и 1100 кавалеристов (XXVI. 17) – и ничего не пишет о Марцелле. Вся тяжесть борьбы за Испанию легла на плечи Нерона.

Новый командующий очень серьезно отнесся к своему назначению. Своей главной задачей он считал недопущение прорыва армии Гасдрубала Баркида в Италию и приложил максимум усилий, чтобы этому помешать. Наконец ему удалось загнать Гасдрубала в ущелье, где карфагенская армия оказалась полностью заблокированной. Помощи Баркиду ждать было неоткуда. Однако карфагенский военачальник не растерялся, вступил с Нероном в переговоры об условиях сдачи, а затем искусно затянул диалог. В течение нескольких дней, пока стороны согласовывали условия капитуляции пунийцев, Гасдрубал потайными тропами выводил войска из ловушки. А затем ушел сам вместе с отрядами прикрытия (Frontin. I. V. 19). Нерон потерпел полное фиаско, все приходилось начинать сначала.

Летом 210 г. до н. э. командование над испанскими легионами принял двадцатичетырехлетний Публий Корнелий Сципион. Он приходился сыном погибшему Публию Сципиону и племянником Гнею. Еще находясь в Риме, молодой человек внимательно изучил кампании отца и дяди в Иберии, после чего пришел к выводу о пагубности выбранной ими стратегии. По его мнению, карфагенян в Испании надо было не сдерживать, а изгнать с полуострова. Для этого надо было навязать противнику свою тактику, бить пунийцев на их территориях, захватывать вражеские военные базы и переманить на сторону римлян местное население. Поэтому главной целью своей первой кампании на испанском театре военных действий Сципион выбрал Новый Карфаген, оплот пунийского могущества на Иберийском полуострове.

В 209 г. до н. э. римская армия выступила в поход на Новый Карфаген. Под командованием Сципиона были 25 000 пехотинцев и 2500 всадников, 3000 легионеров и 300 кавалеристов под командованием пропретора Марка Юния Силана остались охранять римские земли к северу от Ибера (Liv. XXVI. 42). Наступлению предшествовала длительная и кропотливая подготовка, Публий Корнелий тщательно анализировал данные разведки, осторожно выстраивая планы на предстоящую кампанию. В данный момент ситуация для Сципиона складывалась благоприятная: *«По прибытии в Иберию он настойчиво расспрашивал всех и каждого о положении неприятеля и узнал, что войска карфагенян разделены на три части, что одна из них с Магоном во главе находится по сю сторону Геракловых Столбов среди так называемых кониев, другая под начальством сына Гискона Гасдрубала у устья реки Тага в Луситании, что другой Гасдрубал занят осадой какого-то города в области карпетанов и что ни один из начальников не находится ближе к Новому городу, как на десять дней пути»* (Polyb. X. 6). Если бы хоть одна из пунийских армий находилась в окрестностях Нового Карфагена, Сципион не рискнул бы нападать на город. Слишком велик был риск попасть в тиски между гарнизоном и полевой армией карфагенян. Однако в данный момент ситуация складывалась так, захват Нового Карфагена становился реальностью.

Главная проблема для римлян заключалась в том, чтобы успеть захватить город до того, как к нему на помощь придут карфагенские армии. Перед Публием Корнелием стояла архитрудная задача, поскольку Новый Карфаген обладал мощнейшими укреплениями, его осада могла надолго затянуться. В этом случае появление под городом пунийских армий становилось суровой реальностью. Риск был очень велик, однако грубейшие ошибки командира

гарнизона Магона привели к тому, что Новый Карфаген был взят штурмом в течение одного дня.

Это был величайший успех Сципиона, радикально изменивший баланс сил на Иберийском полуострове в пользу римлян. Испанцы вновь покинули карфагенян и массово стали переходить на сторону их врагов, а пунийцы лишились своей главной базы на Иберийском полуострове. Недаром Сципион говорил legionерам: *«Взяв этот город, вы завоюете всю Испанию»* (Liv. XXVI. 43). Но что самое главное, произошло это тогда, когда *«римский народ потерял было уже всякую надежду на успех в Иберии»* (Polyb. X. 19). Наиболее показательной реакцией на случившееся стали действия карфагенских полководцев: они совершенно не знали, как реагировать на падение города. По свидетельству Тита Ливия, *«карфагенские вожди старательно подавляли слухи о взятии Нового Карфагена, а когда стало ясно, что город взят и этого уже никак не скрыть, они постарались речами умалить значение случившегося»* (XXVI. 51). Данная информация свидетельствует о полной растерянности, охватившей братьев Баркидов и Гасдрубала, сына Гискона.

Именно командующие полевыми карфагенскими армиями вместе с командиром гарнизона Нового Карфагена оказались главными виновниками столь быстрого падения города. Совершенно непонятно, зачем Магон и Гасдрубал, сын Гискона, увели свои армии к Атлантическому океану, оставив без прикрытия Новый Карфаген. Одна из армий просто обязана была остаться. Скорее всего, в очередной раз имела место несогласованность действий между карфагенскими полководцами: каждый из них преследовал свои личные интересы. Например, Гасдрубал Баркид готовился к новому прорыву в Италию.

Трудно сказать, насколько поход на помощь Ганнибалу был в данной ситуации актуален. С одной стороны, если бы рейд Гасдрубала увенчался успехом, положение римлян в Италии становилось критическим. Объединив армии, два брата могли создать непосредственную угрозу Риму и оттянуть на себя все резервы республики. Разрядив тем самым ситуацию на испанском театре боевых действий. Обратной стороной медали было то, что судьба войны уже решалась не в Италии, а на Иберийском полуострове. Как ни парадоксально, этого совершенно не понимали ни в Риме и не до конца – в Карфагене. Сенаторы не выделяли в распоряжение Сципиона достаточных сил, чтобы выбить пунийцев из Испании, а карфагенское правительство настаивало на походе Гасдрубала в Италию. При сложившихся обстоятельствах пунийским полководцам, действующим на Иберийском полуострове, следовало объединить свои армии и навязать Сципиону генеральное сражение. Пока подавляющий перевес был на их стороне, у братьев Баркидов и Гасдрубала, сына Гискона, были все шансы на успех. В случае победы они могли не только в очередной раз привести к покорности испанцев, но отвоевать у римлян Новый Карфаген. Однако события начали развиваться совсем по другому сценарию.

В Риме очень опасались похода Гасдрубала, поэтому Сципион получил недвусмысленный приказ сената: любой ценой не допустить прорыва новой карфагенской армии в Италию. Весной 208 г. до н. э. Публий Сципион покинул Таррагону и выступил к городу Бекуле, в окрестностях которого расположилась армия Гасдрубала Баркида.

К этому времени положение карфагенского полководца серьезно осложнилось, поскольку испанцы стали массово дезертировать из его армии. Испанские вожди Мандоний и Индибилис, возмущенные высокомерием карфагенских военачальников, покинули пунийский лагерь и увели своих людей к римлянам. Армия Гасдрубала таяла, как снежный ком на солнце, зато Сципион усиливал свои войска. Понимая, что в одиночку ему уже с римлянами не справиться, Баркид отправил гонцов с призывом о помощи к брату Магону и Гасдрубалу, сыну Гискона. Однако Сципион начал наступление раньше, чем к Бекуле подошли две карфагенские армии.

В завязавшемся сражении Гасдрубал Баркид проявил себя с самой лучшей стороны. Он сумел избежать разгрома и вывести армию из-под удара, сохранил боевых слонов и армейскую

казну. Потери у карфагенян были минимальные, не те, которые указали Тит Ливий и Полибий. Если бы все было так, как рассказали греческий и римский историки, то идти в Италию под знаменем Гасдрубала Баркида было бы некому. Однако брат Ганнибала привел на Апеннинский полуостров огромную армию, что полностью опровергает измышления Ливия и Полибия. Греческий историк стремился любой ценой обелить Публия Сципиона, хотя не мог не понимать, к каким последствиям привела битва при Бекуле. Римский полководец потерпел грандиозную стратегическую неудачу, приказ сената выполнен не был, поскольку именно после этого сражения армия Гасдрубала Баркида начала поход в Италию.

Полибий пытается разъяснить читателям, почему Сципион отказался от преследования Гасдрубала: *«Что касается Публия, то он не находил выгодным для себя гнаться тотчас за Гасдрубалом, ибо опасался нападения прочих карфагенских вождей, и отдал неприятельский лагерь солдатам на разграбление»* (Polyb. X. 39). Схожую информацию приводит и Тит Ливий: *«Стали совещаться, как вести войну дальше; некоторые советовали сразу же идти и преследовать Гасдрубала. Сципион считал, что тут есть некоторая опасность: как бы не объединились с этим Гасдрубалом Магон и другой Гасдрубал»* (Liv. XXVII. 20). Вывод напрашивается простой: Гасдрубал Баркид не был разбит, и Сципион боялся трех объединенных карфагенских армий. Поэтому римский полководец предпочел отступить в Таррагону.

Впрочем, некоторые дивиденды от этого сражения Сципион получил, поскольку в плен к римлянам попал племянник командира нумидийской конницы Масиниссы, Массива. Сципион решил судьбу пленника быстро и оригинально – богато одарил и отпустил к дяде (Liv. XXVII. 19). Этот поступок молодого полководца имел далеко идущие последствия как для Рима, так и для Карфагена.

Пока римские легионы шли в Таррагану, Гасдрубал Баркид встретился с братом Магоном и Гасдрубалом, сыном Гискона. Состоялось судьбоносное совещание, определившее дальнейший ход Второй Пунической войны. Поскольку иберийские племена стали переходить на сторону римлян, Гасдрубал Баркид предложил увести испанские контингенты в Италию. Затем слово взял сын Гискона и заявил, что верность карфагенянам сохраняют лишь племена, проживающие на западе полуострова. Поэтому необходимо защитить этот регион от вторжения римлян. Было решено, что Магон передаст свою армию под командование Гасдрубала, сына Гискона, сам же отправится на Балеарские острова вербовать наемников. Гасдрубал Баркид должен собрать под свои знамена как можно больше испанцев, быстро перейти Пиренейские горы и двинуться в Италию. Гасдрубалу, сыну Гискона, поручалась защита Лузитании и западных районов Иберийского полуострова. В открытые сражения с римлянами вступать ему не обязательно, предпочтение следует отдать маневренной войне. Исходя из этого, одна из главных ролей отводилось командиру нумидийцев Масиниссе. Ему предписывалось пополнить количество всадников до 3000 человек, после чего совершить серию нападений на Восточную Испанию (Liv. XXVII. 20). Масинисса должен был атаковать земли союзников Сципиона, разорять их города и одновременно оказывать помощь сражающимся против римлян испанцам.

На этом совещание закончилось, полководцы отправились каждый к своим войскам. Начинался заключительный этап борьбы за Испанию между римлянами и карфагенянами.

2. Испанская армия Гасдрубала

Перед тем как приступить к разбору боевых действий на Иберийском полуострове в 207–206 гг. до н. э., обратим внимание на армию Гасдрубала, сына Гискона. Под его штандартами служили ливийцы, испанцы, нумидийцы, выходцы с Балеарских островов. Причем среди иберийцев были как наемники, так и воины, присланные вождями, чьи земли находились в зависимости от Картхадашта. Как заметил Плутарх, карфагеняне, *«пользуясь обычно услугами наемников – ливийцев, испанцев и нумидийцев...расплачивались за свои поражения чужою бедой»* (Tim. 28). Такой подход к делу имел как положительные, так и отрицательные стороны. Во-первых, у карфагенян сражались военные профессионалы, хорошо знавшие свое дело, для которых война была средством к существованию. Во-вторых, верность этих людей нанимателю была сомнительна, а боевой дух частенько оставлял желать лучшего. Как заметил Тит Ливий, *«карфагенский простой народ, и городской, и сельский, не воинствен; войско у них наемное из африканцев, это люди неверные, они смотрят туда, куда ветер дует – где выгоднее»* (Liv. XXIX. 36). Как следует из текста римского историка, прибегать к услугам наемников, карфагеняне были вынуждены из-за особенностей своего национального характера (XXIX. 36).

Полибий обратил внимание читателей, как на положительные, так и на отрицательные стороны столь массового использования наемников в Картхадаште: *«Дело в том, что карфагеняне постоянно имели у себя на службе наемников различных стран и, составляя войско из многих народностей, добивались того, что наемники с трудом и не скоро сталкивались между собою, повиновались начальникам и не были для них опасны; но карфагеняне попадали в гораздо большее затруднение, когда им приходилось утешать, успокаивать и разубеждать наемников в случаях раздражения их, гнева и волнений. И в самом деле, раз этими войсками овладевают недовольство и смута, они ведут себя не как люди и под конец уподобляются диким зверям, впадают в бешенство... Войска состояли частью из иберов и кельтов, частью из лигистингов и балеарян, и лишь немного было полуэллинов, большую часть перебежчики и рабы; самую многочисленную долю наемников составляли ливияне»* (I. 67). Полибию вторит Тит Ливий: *«У них оплачиваемые наемники – африканцы и нумидийцы, верность их легковесна, мысли переменчивы»* (XXVIII. 44).

О том, как были вооружены ливийские воины в карфагенской армии, конкретной информации нет. Можно допустить, что их снаряжение было похоже на доспехи и оружие греческих гоплитов, но это будет только предположение. Косвенно на это указывает свидетельство Плутарха: *«У карфагенян же копьеметателей нет, и они привыкли биться короткою пикой, не выпуская ее из руки»* (Marcell.12). Не двуручной македонской сариссой, а именно копьем. Из этого следует, что фаланга, в строю которой сражалась ливийская пехота, была дорийская, а не македонская.

Во время Итальянской кампании Ганнибал перевооружил ливийскую тяжеловооруженную пехоту трофейным римским оружием, которого у него оказалось в избытке: *«Африканцев на вид можно было бы принять за римлян, потому что оружие у них было римское, подобранное у Требии и еще больше – у Тразименского озера»* (Liv. XXII. 46). Об этом писал и Полибий: *«Ливияне вооружены были по-римски; всех их снабдил Ганнибал тем вооружением, какое было выбрано из доспехов, взятых в предшествовавших битвах»* (III. 114). В дальнейшем Полибий пояснит, почему полководец пошел на такой шаг: *«Ганнибал осуждал вооружение, которое было у карфагенян в начале войны, и немедленно после победы в первом же сражении он снабдил собственные войска римским вооружением, которое и оставалось у них непрерывно в употреблении во все последующее время»* (XVIII. 28). В отличие от Ганнибала, воевавшие в Испании карфагенские полководцы такой роскоши себе позволить не могли по причине отсутствия богатых трофеев. По крайней мере, в письменных источниках ни о чем подобном не упомина-

ется. Поэтому приходится констатировать, что в Иберии ливийская пехота использовала традиционное вооружение.

Если африканские контингенты являлись костяком армии Гасдрубала, сына Гискона, то наиболее многочисленными были подразделения, состоявшие из испанцев. Иберийцы славились как храбрые и умелые воины: *«Тело жителей Испании всегда готово к перенесению голода и лишений, дух – к смерти. Все они ведут образ жизни суровый и экономный. Войну они предпочитают миру; если нет врага иноземного, они ищут врага в своей стране»* (Just. XLIV. 2). Рассмотрим вооружение и тактические приемы испанцев. Ценную информацию сообщает Страбон, когда рассказывает о племени лузитан, проживающих на юго-западе Иберийского полуострова: *«Действительно, лузитаны, как говорят, искусно умеют устраивать засады, выслеживать врага; они проворны, ловки, отличаются прекрасной маневренностью в строю. Они носят возгнутый вперед небольшой щит 2 футов в поперечнике, висящий на ремнях (так как у него нет ни колец, ни ручек). Кроме этих щитов, они вооружены еще кинжалом или ножом. Большинство носят льняные панцири, только у немногих кольчуги и шлемы с тремя султанами, остальные же носят шлемы из сухожилий. Пешие воины носят также поножи; каждый воин имеет несколько дротиков; у иных есть копья с медными наконечниками»* (III. III. 6). В дальнейшем географ добавит ряд существенных деталей: *«Иберы были, собственно говоря, все пельтастами и носили в соответствии с разбойничьей жизнью легкое вооружение (как я говорил это о лузитанах), употребляя только дротики, пращи и кинжалы. С пехотными военными силами у них была смешана конница, так как их лошади были приучены ходить по горам и легко сгибать колени по команде, когда это было нужно»* (Strab. III. IV. 15).

Не обошел вниманием военные традиции испанцев и Диодор Сицилийский: *«Самыми доблестными из иберов являются лузитаны, которые носят в сражениях совсем небольшие щиты, оплетенные жилами и очень хорошо защищающие тело по причине своей прочности: легко двигая этим щитом в битве из стороны в сторону, [воин] умело отражает любую пушечную против него стрелу. Используют они также снабженные крючками дротики целиком из железа, а щиты и мечи у них почти такие, как у кельтиберов. Цель они поражают метко и с дальнего расстояния, а удары вообще переносят стойко. Легкие и подвижные, они проворны и в бегстве, и в преследовании, однако в сражении в строю значительно уступают выдержкой кельтиберам. В мирное время они упражняются, исполняя легкий танец, который требует значительной силы ног, а на войне шагают, выдерживая ритм, и устремляются на врага с пением пеана. У иберов и особенно у лузитан можно наблюдать также особое явление: достигнув цветущего возраста, юноши, живущие в особой бедности, но отличающиеся телесной силой и храбростью, уповая на собственную отвагу и оружие, собираются в труднодоступных горах и, составив большие отряды, совершают набеги в Иберии и, занимаясь грабежом, собирают богатства. Эти действия они совершают с полным презрением ко всему: поскольку они имеют легкое вооружение и очень подвижны и стремительны, справиться с ними чрезвычайно трудно»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.